

В. Я. Любашиц¹

Южный федеральный университета
Ростов-на-Дону. Россия

М. К. Бухарина²

А. С. Полякова³

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Либерализм как политический источник конституционного государства

Авторы впервые в качестве относительно самостоятельного института анализируют «либерализм» как политический источник становления и развития конституционного правового государства. В статье обосновывается, что либерализм на всем протяжении развития общества служит главным критерием в формировании и развитии публичного взаимодействия между гражданским обществом и государственной властью.

Ключевые слова и словосочетания: государство, государственная власть, конституционное государство, гражданское общество, либерализм, правовое государство.

V. Y. Lyubashits

Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

M. K. Bukharina

A. S. Polyakova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Liberalism as a political power of the constitutional state

In the article, the authors first as a relatively independent institute analyzed the category of «liberalism» as a source of political formation and development of the constitutional rule of law. The article explains that liberalism throughout the development of society is the main criterion in the formation and development of public interaction between civil society and government.

Keywords: the state, the government, the constitutional state, civil society, liberalism, constitutional state.

¹ Любашиц Валентин Яковлевич – д-р юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета; e-mail: kafedra_tgp@mail.ru.

² Бухарина Мария Константиновна – ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: buharina-masha@mail.ru.

³ Полякова Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: an.poliakova2012@yandex.ru.

Авторы большинства отечественных и западных словарей и энциклопедий согласны с тем, что термин «либерализм» обозначает важнейший источник правового государства [1]. Либерализм может иметь тройной смысл: 1) подразумевает тип политической философии, обосновывающей интеллектуальную установку на организацию частной и политической жизни; 2) обозначает политическую программу достижения условий максимально возможной частной инициативы; либерализм этого смысла остается целью политических партий, образующих движение; 3) относится к структурным принципам правового государства, предусматривает гарантии максимально возможной свободы действия индивида; в этом смысле либеральная традиция воплощена в современных конституциях в той мере, в какой она защищает основные права человека и гражданина, реализует принцип разделения властей и парламентаризм.

В нынешней немарксистской дискуссии о либерализме преобладают два подхода: узкий и широкий, различающиеся оценкой возможного вмешательства государства в частную (экономическую и социально-экономическую) сферу.

Первый, узкий, подход делает акцент на гарантиях невмешательства правового государства в частную сферу как условия личной свободы. Сторонников этого подхода именуют консерваторами (или неоконсерваторами) за проведение строгого различия между либерализмом и демократией. Данный подход представлен, например, в Международной энциклопедии социальных наук в статье Д. Смита «Либерализм». Автор полагает, что «хотя либерализм выдвигал две главные задачи – «невмешательства государства в частную жизнь граждан» и «предоставления гражданских прав», эти два идеала находятся в противоречии между собой и первая задача остается приоритетной» [8].

Государствоведы, применяющие термин «либерализм» в узком смысле, сталкиваются с дилеммой: либо рассматривать правовое государство как историческое явление, которое существует сегодня только в своих последствиях, например, служит образцом для модернизируемых стран [2], либо развивать социально-политическое понимание либерализма, который оправдан особыми условиями эпохи и отличается от решений проблемы гражданского общества, предложенных социал-демократами, альтернативной левой (коммунисты) и правой (фашисты, национал-социалисты) политикой, например, оправдания неолиберальной политики, именуемой «тэтчеризм» [4]. Усилия по поддержанию либеральной традиции правового государства находятся внутри этих концептуальных полюсов.

Второй, широкий, взгляд на либерализм как источник и результат правового государства концентрируется на понятии индивидуальной свободы и исследует государственное конституционное вмешательство в частную сферу граждан как средство расширения условий самоопределения человека. Политолог Ф. Селлин отмечает, что в отличие от раннего правового государства XVIII – сер. XIX в. современная либеральная политика содействует реформам, расширяющим возможности индивидуального самоосуществления граждан. «Предоставление демократических и социальных прав означает не ограничение либерального принципа, а его развитие в изменившихся условиях гражданского общества». Либеральный принцип расширения степени свободы для большего числа людей Ф. Селлин

именует «прогрессивным либерализмом» в отличие от «консервативного либерализма» раннесовременного конституционного государства [7]. Аналогичную точку зрения высказывает Ф. Хайек [17]. Поскольку сторонники широкого подхода склонны противопоставлять ранние и поздние формы либерализма, принципы невмешательства и вмешательства государства в частную сферу, они приходят к выводу, что «невозможно дать общее понимание либерализма для всех стадий исторического развития правового государства» [7].

Различное понимание либерального движения за правовое государство обусловлено рядом обстоятельств. Теория и практика движения не развивались параллельно, либеральная мысль и актуальные программы не совпадали по времени, имелись национальные и событийные особенности либерализма. Тем не менее, возможно изучение либерального движения за правовое государство как общеисторического, цивилизационного процесса в системной перспективе. Для этого необходимо принять допущение, что либерализм адаптирует правовую организацию и деятельность национального государства к структурным изменениям гражданского общества и его окружения.

В данной статье мы попытаемся обосновать следующий тезис. Начиная с эпохи Нового времени адаптационная роль либерализма привела к утверждению универсальных правовых механизмов регуляции государственной власти, увеличивающих автономию частной сферы граждан. Принцип невмешательства государства в частную сферу оказался утопической идеей, переосмысление которой характеризует историю движения за правовое государство. Эволюционные ступени правового государства определяются теми новыми функциями, которые государство приобретает в своих новых формах. Этих форм три: конституционное правовое государство, демократическое правовое государство, социальное правовое государство.

Ю. Хабермас отмечает, что для буржуазного либерализма характерна связующая роль между интересами частной сферы и гражданского государства. Эта роль двоякая: в первом случае оппозиция государственной власти в виде требования экономических и ограниченных политических реформ и последующее противодействие власти с целью изменить ее структуру, институционализировать буржуазную общественность в качестве государственного органа, парламента. Во втором случае основное политическое требование – равное избирательное право. «Если власть не идет на структурные реформы, либеральная общественность может организовать радикальную борьбу» [18]. В процессе создания правового государства буржуазный либерализм выделяет революционную и постреволюционную стадии.

Слово «либерализм» происходит от *los liberals* (либералы) – имени, которым себя называли основатели испанской конституции 1812 г. Первоначально либерализм означал базовые принципы, которым следовала буржуазия, когда она пришла к власти и преодолела сопротивление абсолютистского государства. Духовно революционный либерализм опирался на рациональное объяснение картины мира Лютера, Кальвина, Декарта, в котором индивиду и его разуму отдавалось предпочтение перед коллективом в организации собственной жизни. Другим источником

стала христианская традиция естественного права, согласно которой государственный авторитет подчинен вневременным нормам божественного права, которые даны человеку в разуме и воплощаются в договоре между правителями и подданными. Учение легистов эпохи Возрождения, например, Ж. Бодена, о необходимости соблюдения монархом права своих подданных и своих соглашений с ними также стимулировало интеллектуальный процесс, ведущий к идее правового государства [7].

Впервые правовое государство конституционного образца возникло в результате пуританской революции в Англии в XVII в. Революционных участников вдохновили идея частной собственности на землю и религиозный библейский договор как модель светской конституции [9]. В течение последующего столетия книга Дж. Локка «Два трактата о правлении» (1690 г.) стала интеллектуальным осмыслением перехода к правовому государству и главным текстом либерального движения. Локк полагал, что человеку присущи естественные права, которые недостаточно определены и гарантированы в прежнем гражданском государстве. Поэтому возникло общее и свободное соглашение граждан по поводу основания государства нового типа, способного гарантировать эти права [9]. Благо индивида было поставлено выше «общего блага», за которым скрывались интересы правителей.

Логическим следствием принципа соблюдения прав человека государством стала идея права индивида на сопротивление произволу власти, что было главной целью либерального легализма. Легисты последовательно защищали принцип разделения властей, и их идеи в классической форме выразил Ш. Монтескье в работе «О духе законов» (1748 г.). В описании автора английская конституция была особым случаем равновесия властей [13]. Следовательно, свобода личности гарантируется системой, в которой разделение властей может принимать различные формы. Ш. Монтескье развивал идеи Локка о разделении властей и учитывал мажоритарную неписаную конституцию Англии начала XVIII в., где можно было наблюдать три отдельные ветви власти: корону и назначаемое ею правительство; парламент; суды общего права, чьи судьи были несменяемыми.

Монтескье отличал произвол от свободы в конституционном правовом государстве: «Свобода есть право делать все, что дозволено законами, ... и не быть принуждаемым делать то, что не должно хотеть» [14]. Учитывая возможность превращения абсолютизма в деспотизм в современной ему Франции, он определил организационное средство предотвращения этой угрозы.

Данное средство Монтескье видел в разделении властей, которое он понимал как их взаимоограничения. Свобода может существовать, если власть распределена среди нескольких лиц или органов, которые могли бы контролировать друг друга. Имеется три вида власти: законодательная, исполнительная и судебная. Их должны применять разные лица, иначе возникает деспотизм. Однако судебная власть не сравнима с другими властями, поскольку судьи остаются проводниками права. Контроль за соблюдением разделения властей должны осуществлять не постоянно действующие судьи, а конституционный орган, состоящий из группы лиц, избираемых от народа. Монарх, дворянство и народ формируют исполнительную и законодательную власть. Исполнительная власть может ограничиваться

монархом, законодательство – представительным органом, избираемым народом (нижняя палата) и дворянством (верхняя палата); каждая их палат обладает правом законодательной инициативы.

Следовательно, конституционное государство отличается от конституционного правового государства. В конституционном государстве может существовать разделение функций доминирующего властного органа. В конституционном правовом государстве властные функции осуществляются независимо друг от друга различными государственными органами, что предотвращает концентрацию власти в одном органе и защищает права личности от властного произвола. Не всякое конституционное государство является правовым. Монтескье не отрицал идею суверенитета народа. Но она не означала прямого народного правления: выражение воли народа нормативно упорядочено системой представительства и принципом большинства: суверенитет народа ограничен разделением властей.

Учение Монтескье вдохновляло создателей конституционного строя в США. Декларация о независимости 1776 г. и Конституция США 1787 г. означали применение теории разделения властей в писаных конституциях. В теории «сдержек и противовесов» власти, разработанной Дж. Мэдисоном, конституции предназначено распределять политическую власть среди институтов, партий и фракций, чтобы предотвратить тиранию большинства и меньшинства [3]. Президентская система правления может быть названа республиканским вариантом конституционной монархии, поскольку в ней существуют оба элемента – разделение властей и связь властей парламента и правительства. Однако демократические права этих конституций имели больше ограничений (в зависимости от размера собственности, налоговой регистрации и расы), нежели в период Французской революции [16].

В Европе сторонником либерального конституционализма был И. Кант, который с позиций категорического императива обосновал невмешательство государства в частную жизнь граждан посредством принятия правовых законов и разделения властей [5]. В отличие от Канта, Гегель не был либеральным конституционалистом, хотя признавал прогрессивное значение конституционной монархии относительно абсолютизма.

Государство, согласно Гегелю, это тоже право, а именно: конкретное право, т.е. по диалектической трактовке наиболее развитое и содержательно богатое право, вся система права, включающая в себя признание всех остальных, более абстрактных прав – прав личности, семьи и общества. С тем обстоятельством, что в этой диалектической иерархии прав государство как наиболее конкретное право стоит на вершине правовой пирамиды, связано гегелевское возвышение государства над индивидами, «шествие Бога в мире» [15]. Все это подтверждает, что Гегель – этатист (государственник). Но, заметим, Гегель – правовой этатист, он обосновывает, восхваляет и обожествляет именно правовое государство, подчиняет права индивидов и общества (не отрицая их!) государству не как аппарату насилия, а как более высокому праву – всей системе права. В свою очередь, «система права есть царство реализованной свободы» [7]. Иными словами, Гегель философски восхваляет государство как наиболее развитую действительность свободы.

В конкретно-историческом плане Гегель как мыслитель начала XIX в. полагал, что идея свободы достигла наибольшего практического осуществления именно в конституционной монархии, основанной на принципе разделения властей (государя, правительства и законодательной власти). Надлежащее разделение властей в государстве является, по Гегелю, «гарантией публичной свободы» [17]. С этих позиций он резко критиковал деспотизм – «состояние беззакония, в котором особенная воля как таковая, будь то воля монарха или народа (охлократия), имеет силу закона или, вернее, заменяет собою закон» [7].

Идеи революционного либерализма дополнялись экономическим либерализмом английской классической политэкономии. А. Смит в «Исследовании о природе и причинах общественного богатства народов» (1776 г.) на основе открытия координирующей роли спроса и предложения пришел к выводу о естественном экономическом порядке, если никакая внеэкономическая инстанция не вмешивается в меновое обращение. Экономические законы рынка оставляют возможность индивидам рассчитывать свою деятельность рационально по критериям максимальной прибыли. Производительность труда – истинная причина богатства, ее ключевой фактор – разделение труда. Логическим следствием этого либерального мышления стало требование свободы земельной собственности и отмены всех феодальных ограничений, в том числе гильдий, ради экономической инициативы.

Революционные идеи либерализма, институционализированные в правовом государстве, могут быть сведены к трем понятиям: 1) конституционализму, т.е. к правовому упорядочиванию государственного правления, основанному на разделении властей, с единственной целью защиты неотчуждаемых прав человека; 2) правовому равенству граждан; 3) свободе наемного труда и частной собственности, к земельной реформе и введению свободы торговли. Эти идеи осуществлялись в разных странах неодновременно, иногда процесс требовал длительного времени. Не всегда они были полностью реализованы, например, в период Французской революции, когда к власти пришло третье сословие. Иногда либерально ориентированная бюрократия монархического государства осуществляла либеральную программу. Таковы, например, реформы Штейна-Гарденберга в 1807–1814 гг. в Пруссии, столыпинская аграрная реформа в России. Они возможны в условиях неписаной конституции.

Революционные либералы были убеждены, что естественные права человека могут быть реализованы путем освобождения гражданского общества от оков государства посредством правового равенства. Когда эта цель была достигнута, буржуазный либерализм перешел к защите новой ситуации против тех, кто был заинтересован в распространении принципа равенства на экономическую и социальные сферы гражданского общества. До середины XIX в. постреволюционные либералы Запады пытались удержать власть за счет ограничения избирательного права. Поскольку главную пользу от экономической свободы имели коммерческие классы, либеральное движение породило доктрину превосходства буржуазии.

Политическая философия мелкобуржуазных классов основывалась на тезисах политэкономии Т. Мальтуса и Д. Рикардо. Развивая взгляды Смита, Д. Рикардо полагал, что распределение национального дохода регулируется неизменными

естественными законами. В свете мальтузианского принципа народонаселения это означает, что средняя заработная плата никогда не может выйти за пределы прожиточного минимума. В связи с ростом народонаселения земельная рента становится незаслуженным вознаграждением земельного собственника, и капиталисты остаются единственной социальной силой экономического прогресса: постоянное реинвестирование прибылей приводит к росту промышленности и занятости. Капиталисты остаются гарантами соблюдения экономических законов и оправданно присваивают политическую власть. Подобная идеология легитимировала политику лессеферизма (*laissez faire*), пренебрежение условиями наемного труда. Критика социалистами последствий этой политики привела к переоценке ее идеологических основ. В противоположность Рикардо французский экономист Ф. Бастиа заявлял, что естественные законы экономики ведут к росту не только прибылей, но и заработной платы и, тем самым, гармонизируют интересы. Консервативная идеология либерализма провозгласила предпринимателя истинным представителем гражданского общества, а экономический успех – высшей светской ценностью [18].

Правление буржуазии в наиболее чистой форме осуществлялось в Англии после реформы Билля о правах (1832 г.) и во Франции после Июльской революции 1830 г. С другой стороны, в Германии буржуазия не смогла прийти к власти. Но, несмотря на неудачу революции 1848 г. и поражение Прогрессивной партии в 1860-х гг. при принятии прусской конституции, цели либерального движения постепенно реализовались в формах кооперации либералов с монархической правительственной бюрократией. Главным достижением этого сотрудничества стали освобождение крестьянства, отмена гильдий, образование таможенного союза и движение за создание единого национального государства. Тем не менее, в Германии в XIX в. правовое государство не было создано.

Хотя конституционное правовое государство уже существовало, отсутствовала теория его принципов и действия. Она была создана немецкими либеральными учеными в первой половине XIX в. (Р. Моль, Ф. Шталь, Л. Штейн) и не сводилась к особенностям развития права в Германии. В определении Ф. Штала «государство становится правовым (*Rechtsstadt*), когда точно определяет и гарантирует пути и границы своей деятельности, а также сферу свободы своих граждан в форме права. Государство не должно навязывать нравственные идеи кроме того, что относится к сфере права» [19]. Моральная справедливость правового государства состоит в том, что гарантируются права и свободы личности. Англоязычные либералы именуют эту справедливость «правлением права» (*Rule of Law*). Справедливость правового государства отличается от справедливости гражданского государства тем, что в последнем защита жизни и собственности частных лиц осуществляется в интересах их «общего блага».

В правовом государстве, как его понимали немецкие либералы, действует принцип разделения властей, что сдерживает концентрацию власти в одной структуре. Исполнительная, законодательная и судебная ветви власти обладают автономией. Принцип независимости судебного контроля означает, что суды, ответственные за сохранение правопорядка и контроль действий правящих органов,

подчиняются только закону. Все правовые споры решаются в судебном порядке. Судебный контроль обеспечивает верховенство конституции государства: санкционированные государством правила поведения имеют юридическую силу, если не противоречат основному закону государства. Действует принцип независимости государственной администрации от политической формы государства. Законодательно принятые нормативные акты хотя и выражают политическую волю законодателя, но отделяются от их создателя и становятся частью правопорядка, которому администрация должна подчиняться.

Либеральный подход к невмешательству государства в частную сферу игнорирует ситуацию соперничества классовых сил гражданского общества за государственную власть, что создает угрозу конституционному строю. Не ставится под сомнение жесткое деление правовой системы на частное и публичное право. С либеральной точки зрения частное право определяет жизнь массы граждан, тогда как публичное право регулирует отношения между ними в ограниченной степени.

Следовательно, переход от гражданского государства к правовому был обусловлен отсутствием конституционных гарантий естественных прав членов гражданского общества и наличием сословных барьеров для буржуазии, устремленной к политической власти. Переход к правовому государству, осуществленный впервые в западных странах в XVIII в., происходил в результате либерального революционного движения и сопровождался конституционным нормированием государственной власти, произвол которой раньше ограничивался лишь бюрократическими средствами. В конституционном правовом государстве обеспечение прав человека ограничивается их защитой. Государство не вмешивается в рыночную экономику и не осуществляет социальную защиту населения.

-
1. Барг, М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей / М.А. Барг. – М., 1991.
 2. Вишневский, А.Г. Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? / А.Г. Вишневский // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под ред. Т.И. Заславской. – М., 2003.
 3. Гамильтон, А. Федералист. Политическое эссе / А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Дж. Джей; пер. с англ. – М., 2000.
 4. Гегель, Г.Ф.В. Философия права / Г.Ф.В. Гегель. – М. –Л., 1934.
 5. Кант, И. Соч.: в 6 т. / И. Кант. – Т.4. Ч. II.
 6. Коновалов, В.Н. Либерализм / В.Н. Коновалов // Человек и общество: краткий энциклопедический словарь-справочник (политология). – Ростов-н/Д., 1997. – С. 241.
 7. Sellin V. Liberalism // A Comparative Encyclopedia. – Vol.5. – N.Y., 1992.
 8. Smith D.G. Liberalism // International Encyclopedia. – Vol. 5. – N.Y., 1988.
 9. Локк, Дж. Два трактата о правлении/ Дж. Локк // Локк Дж. Соч.: в 3 т. – М., 1988. – Т.3.
 10. Любашиц, В.Я. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография: в 2 ч. / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев. – М.: Юрлитинформ, 2013.

11. Любашиц, В.Я. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев. – М.: Юрлитинформ, 2013.
12. Мамычев, А.Ю. Нормативно-ценностные и правокультурные аспекты трансформации современной государственно-властной организации в России / А.Ю. Мамычев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № 5 (23). – С. 115–121.
13. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье. – М., 1999. – Кн. 2.
14. Монтескье, Ш. Избр. Произведения / Ш. Монтескье. – М., 1955.
15. Райзберг, Б.А. Управление экономикой / Б.А. Райзберг, Р.А. Фатхутдинов. – М., 1999.
16. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн. – М., 1992.
17. Хайек, Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек; пер. с англ. – М., 2005.
18. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. – Frankfurt, 1990.
19. Stahl F.J. Philosophie des Rechtes. 2. Aufl. Bd. II. – Berlin, 1835.

СОВЕУЕМ ПРОЧЕСТЬ

Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.

Теория государства и права: учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М; Ростов-н/Д.: Южный федер. ун-т, 2015. – 526 с.
ISBN 978-5-369-01418-9 (РИОР)
ISBN 978-5-16-010741-7 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-102747-9 (ИНФРА-М, online)

В настоящем учебном пособии использованы последние достижения современной отечественной и зарубежной правовой науки и, прежде всего, таких ее разделов, как общее учение о государстве, теория права (юридическая догматика), философия права, история политических и правовых учений, юридическая антропология.

Издание рассчитано на использование его в учебном процессе в высших и средних профессиональных учебных заведениях при подготовке юристов и правоведов, а также специалистов в области государственного и муниципального управления, менеджмента и других направлений подготовки.